

Над маленьким городком Тарифой возвышается старинная крепость, построенная ещё маврами. Если взойти на башню, откроется вид на площадь, где стоит лоток торговца кукурузой, и на кусочек африканского побережья. И в тот день на крепостной стене сидел, подставив лицо восточному ветру, Мелхиседек, царь Салима. Овцы, встревоженные столькими переменами в своей судьбе, жались в кучу чуть поодаль от нового хозяина. Но нужны им были только корм да вода.

Мелхиседек глядел на небольшой баркас, стоявший на рейде. Он никогда больше не увидит этого юношу, как ни разу не видел и Авраама после того, как тот отдал ему десятину.

У бессмертных не должно быть желаний, потому что у них нет здесь Своей Стези. И всё же Мелхиседек в глубине души тайно желал, чтобы юноше по имени Сантьяго сопутствовала удача.

— Жаль, что он сейчас же позабудет даже, как меня зовут, — думал он. — Надо было повторить моё имя. Чтобы он, упоминая меня, называл неведомого старика «Мелхиседек, царь Салима».

Он поднял глаза к небу и сокрушённо произнёс:

— По слову Твоему, Господи, всё это «суета сует». Но иногда и старый царь может гордиться собой.

* * *

«Странное место эта Африка», — думал Сантьяго.

Он сидел в маленькой харчевне — одной из тех, что так часто встречались ему на узких улочках этого города. Несколько человек курили огромную трубку, по очереди передавая её друг другу. За эти часы он видел мужчин, которые шли, взявшись за руки, женщин с закрытыми лицами, священнослужителей, которые взбирались на высокие башни и нараспев выкрикивали оттуда что-то — а все вокруг опускались на колени, били лбом о землю.

«Край неверных, страна язычников», — сказал он сам себе. В детстве в их деревенской церкви он видел образ Святого Иакова — победитель мавров изображён был верхом на белом коне, с обнажённым мечом в руке, а перед ним были простёрты зловещего облика люди, похожие на тех, что сидели теперь в харчевне рядом с Сантьяго. Юноше было не по себе — он чувствовал себя ужасно одиноким.

А кроме того, в предотъездной суматохе он совсем упустил из виду одно обстоятельство, которое вполне могло бы надолго закрыть ему путь к сокровищам. В этой стране все говорили по-арабски.

К нему подошёл хозяин, и Сантьяго знаками попросил принести ему то же, что пили за соседним столом. Это оказался горьковатый чай. Юноша предпочёл бы вино.

Впрочем, всё это было неважно — надо было думать лишь о сокровищах и о том, как до них добраться. Денег от продажи овец он выручил немало, они лежали у него в кармане и уже успели проявить своё волшебное свойство — с ними человеку не так одиноко. Очень скоро, всего через несколько дней, он будет уже у пирамид. Старик, носящий нагрудник из чистого золота, не стал бы обманывать, чтобы разжиться полудюжиной овец.

Он говорил ему о знаках, и Сантьяго, покуда пересекал пролив, всё думал о них. Он понимал, о чём идёт речь: бродя по Андалусии, юноша научился узнавать на земле и на небе приметы

того, что ждёт впереди. Птица могла оповещать, что где-то притаилась змея; кустарник указывал, что неподалёку найдётся ручей или река. Овцы научили его всему этому. «Если Бог их ведёт, он и мне не даст сбиться с пути», — подумал Сантьяго и немного успокоился. Даже чай показался не таким горьким.

— Ты кто будешь? — слышалась вдруг испанская речь.

Сантьяго вздохнул с облегчением: он думал о знаках, и вот знак ему подан. Окликнувший его был примерно одних с ним лет, одет на западный манер, но цвет кожи указывал, что он местный.

— Откуда ты знаешь испанский? — спросил Сантьяго.

— Здесь почти все его знают. Испания в двух часах пути.

— Присядь, я хочу тебя угостить чем-нибудь. Закажи вина себе и мне. Чай мне не по вкусу.

— В этой стране вина не пьют, — ответил тот. — Вера не разрешает.

Сантьяго сказал тогда, что ему нужно добраться до пирамид. Он чуть было не проговорился о сокровищах, но вовремя прикусил язык — араб за то, чтобы проводить его до места, вполне мог бы потребовать часть клада себе.

— Не можешь ли довести меня до пирамид? Я бы тебе заплатил за это.

— А ты даже не представляешь, где это?

Сантьяго заметил, что хозяин подошёл вплотную и внимательно прислушивается к разговору. При нём говорить не хотелось, однако он боялся упустить так удачно найденного проводника.

— Тебе придётся пересечь всю пустыню Сахару, — сказал тот. — А для этого понадобятся деньги. Есть они у тебя?

Сантьяго этот вопрос удивил. Но он помнил слова старика: если ты чего-нибудь хочешь, вся Вселенная будет способствовать тому, чтобы желание твоё сбылось. И, достав из кармана деньги, он показал их арабу. Хозяин подошёл ещё ближе и уставился на них, а потом перебрался с юношей несколькими арабскими словами. Сантьяго показалось, что хозяин на что-то сердится.

— Пойдём-ка отсюда, — сказал юноша. — Он не хочет, чтобы мы тут сидели.

Сантьяго с радостью поднялся и хотел было уплатить по счёту, но хозяин схватил его за руку и стал что-то говорить. У Сантьяго хватило бы силы, чтобы высвободиться, но он был в чужой стране и не знал, как себя вести. По счастью, новый знакомый оттолкнул хозяина и вытащил Сантьяго из харчевни на улицу.

— Он хотел отнять у тебя деньги. Танжер не похож на другие африканские города. Это порт, а в порту всегда множество жуликов.

Ему можно доверять. Он помог ему в критической ситуации. Сантьяго снова достал из кармана и пересчитал деньги.

— Можем завтра же отправиться к пирамидам, — сказал араб. — Но сначала надо купить двух верблюдов.

Они двинулись по узким улочкам Танжера, где на каждом шагу стояли палатки и лотки, где торговали всякой всячиной, и оказались на рыночной площади. Она была заполнена многотысячной толпой — люди продавали, покупали, спорили. Зелень и плоды лежали рядом с кинжалами, ковры — рядом с разнообразными трубками. Сантьяго не сводил глаз со своего спутника — тот забрал у него все деньги. Он хотел было забрать их, но счёл, что это будет неучтиво. Ему были неведомы нравы и обычаи страны, в которой он сейчас находился. «Ничего, — подумал он, — я ведь внимательно слежу за ним, и этого достаточно, ибо я сильнее его».

И вдруг в гряде разнообразного товара он заметил саблю, красивей которой ещё никогда не видел. Ножны были серебряные, эфес украшен драгоценными камнями и чернью. Сантьяго решил, что, когда вернётся из Египта, непременно купит себе такую же.

— Спроси, сколько она стоит, — попросил он своего спутника.

В этот миг он понял, что на две секунды отвлёкся, заглядевшись на саблю. Сердце у него ёкнуло. Он боялся оглянуться, потому что уже знал, что предстанет его глазам. Ещё несколько мгновений он не сводил глаз с сабли, но потом набрался храбрости и повернул голову.

Вокруг гремел и бушевал рынок, сновали и горланили люди, лежали вперемежку ковры и орехи, медные подносы и груды салата, шли взявшиеся за руки мужчины и женщины в чадрах, витали запахи неведомой снеди — и нигде, ну просто нигде не было видно его недавнего спутника.

Сантьяго поначалу ещё верил, что они случайно потеряли друг друга в толпе, и решил остаться на месте в надежде, что тот вернётся. Прошло какое-то время; на высокую башню поднялся человек и что-то закричал нараспев — все тотчас упали ниц, уткнулись лбами в землю и тоже запели. А потом, словно усердные рабочие муравьи, сложили товары, закрыли палатки и лотки. Рынок опустел.

И солнце тоже стало уходить с неба; Сантьяго следил за ним долго — до тех пор, пока оно не спряталось за крыши белых домов, окружавших площадь. Он вспомнил, что, когда оно восходило сегодня, он ещё был на другом континенте, был пастухом, владел шестьюдесятью овцами и ждал свидания с дочкой суконщика. Ещё утром ему наперёд было известно всё, что произойдёт, когда он погонит своё стадо на пастбище.

А теперь, на закате, он оказался в другой стране, стал чужим в чужом краю и даже не понимал, на каком языке говорят его жители. Он уже не был пастухом, он лишился всего — и прежде всего денег, а значит, уже не мог вернуться и всё начать сначала.

«И всё это — от восхода до заката», — подумал он. Ему стало жалко себя, ибо иногда перемены так стремительны, что ахнуть не успеешь, не то что привыкнуть.

Плакать было стыдно. Он даже перед своими овцами стеснялся плакать. Однако рыночная площадь уже опустела, а он был один и вдали от родины.

И Сантьяго заплакал. Неужели Бог так несправедлив, взыскивает с тех людей, которые верят снам! «Когда я пас своих овец, то был счастлив и распространял счастье вокруг себя. Люди радовались, когда я приходил к ним, и принимали меня как дорогого гостя.

А теперь я печален и несчастен. И не знаю, что делать. Я стану злобным и недоверчивым и буду подозревать всех потому лишь, что один человек обманул меня. Я буду ненавидеть тех, кто сумел найти клад, потому что мне это не удалось. Я буду цепляться за ту малость, которой

обладаю, потому что слишком мал и ничтожен, чтобы постичь весь мир».

<http://tl.rulate.ru/book/24356/572085>